

скую ценность. Историк будет обращаться и к той, и к другой в зависимости от того, что он исследует: для изучения идейной сущности «жидовствующих» наибольшую ценность будет представлять первая редакция «Просветителя», для истории осуждения и казни «жидовствующих» — вторая.

Итак, основной редакцией исторического памятника избирается та, которая наиболее ценна в историческом отношении, — ценна для данного исследования и в данном аспекте. Вот почему, кстати, историки чаще, чем литературоведы, вынуждены прибегать к изданию в с е х редакций исторического источника.

Значит, для исторического произведения «последняя авторская воля» как критерий выбора основного текста не имеет того значения, которое она имеет для произведения художественного. Конечно, различие между историческим памятником и художественным произведением нередко условно. Художественное произведение очень часто оказывается великолепным историческим источником. Тот же «Просветитель» может быть рассмотрен не только как исторический памятник, но и как произведение литературы. Это памятник, занимающий определенное место в истории русской литературы. Все зависит, следовательно, от точки зрения, от подхода к памятнику. Если мы признаем, что памятник издается как исторический источник, то выбор основного текста будет сделан по историческим требованиям. Если же мы признаем в памятнике эстетическую ценность доминирующей и решим, что он должен быть издан прежде всего как художественное произведение, то сразу изменятся и принципы выбора основного текста.

При издании художественного произведения обычно принимается во внимание соответствие избранного текста последней авторской воле. Почему? На первый взгляд связь между эстетическим критерием в оценке памятника и выбором текста соответственно последней авторской воле может показаться произвольной, но в действительности эта связь в известной мере органична.

Во-первых, для художественного произведения авторское начало имеет гораздо большее значение, чем для памятника исторического. В эстетической оценке памятника соответствие воплощения авторскому замыслу является одним из главных эстетических достоинств, доставляющих читателю немаловажную долю его эстетического наслаждения. Читатель не случайно стремится выяснить для себя авторский замысел. Но замысел, намерение автора, его воля имеют отношение к эстетической оценке памятника только постольку, поскольку они касаются художественной стороны памятника. Намерения автора нехудожественные не представляют эстетической ценности; это ясно. Вот почему К. Гурский совершенно прав, предложив ограничиваться в выборе основного текста последней творческой волей автора. Я бы предложил несколько уточнить терминологию, имея в виду все сказанное выше, и говорить не о творческой воле автора, а о его художественном